

В. Щепкин

Разсуждение о языке Саввиной книги

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 80
ББК 81-5
В11

В11 **В. Щепкин**
Разсуждение о языке Саввиной книги / В. Щепкин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 383 с.

ISBN 978-5-517-88453-4

Читателю предлагается одно из фундаментальных исследований в области славянского сравнительно-исторического языкознания - «Разсуждение о языке Саввиной книги». Саввина книга - это древнеболгарская рукопись евангельских чтений XI в., единственная сохранившаяся кирилловская рукопись старославянского Евангелия. Ее исследование принадлежит выдающемуся слависту начала XX века, представителю московской лингвистической школы В.Н.Щепкину (1863-1920). В этой работе была предложена классификация старославянских памятников письменности, вошедшая с тех пор во все учебники старославянского языка. Основное внимание в книге уделено истории редуцированных и носовых гласных. Описывая язык Саввиной книги, В.Н.Щепкин привлекал для анализа богатый сравнительный материал, пользуясь данными диалектологии. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1899 года

ISBN 978-5-517-88453-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

IV. <i>Звукъ ж</i>	269—289
a. Старое этимологическое <i>ѣ</i> не смѣшивается съ другими гласными	269
b. Старое этимологическое <i>ѣа</i> передается чрезъ <i>ѣт</i> ; причины такого правописанія	272
c. Старое этимологическое <i>ѣа</i> передается чрезъ <i>нм</i> , причины такого правописанія	273
d. Старое этимологическое <i>ѣа</i> передается чрезъ <i>ѣт</i> и <i>ѣа</i> ; первое правописаніе заимствовано изъ оригинала, послѣднее принадлежитъ писцу; звуки, выражаемые группой <i>ѣа=ѣа</i>	275
e. Причины чередованія <i>ѣ/ѣ</i> въ формахъ повелительнаго (покажѣти—покажѣти).	285
f. Причины чередованія <i>н/ѣ</i> въ корнѣ <i>ѣд-</i> (<i>нмѣ-ѣмѣ</i>).	287
V. <i>Употребленіе знака ю</i>	289—295
a. <i>ю</i> въ срединѣ слога; причины написанія <i>ю</i> послѣ шипящихъ и свистящихъ	289
b. <i>ю</i> начальное	294
VI. <i>Нѣкоторыя менѣе важныя фонетическія явленія</i>	295—298
VII. <i>Говоръ заоловковъ (gubgi)</i>	298—300
Дополненія и поправки	301—308
Указатели	309—349
Къ фототипіямъ.	

Приступая къ занятіямъ Саввиной книгой, пишущій эти строки имѣлъ въ виду дать характеристику говора этого памятника и тщательно переиздать его текстъ. Обѣ работы велись одновременно, и, по мѣрѣ того какъ онѣ подвигались, измѣнялись и опредѣлялись взгляды автора на предметъ его изслѣдованія. Авторъ болѣе и болѣе убѣждался, что кромѣ общаго интереса, представляемаго однимъ изъ немногихъ сохранившихся источниковъ чистаго старославянскаго языка, Саввина книга затрогиваетъ нѣкоторые спеціальные вопросы, разрѣшеніе которыхъ въ настоящей книгѣ и составило ту часть работы, которая можетъ быть названа изслѣдованіемъ. Оно привело автора къ слѣдующимъ тремъ выводамъ. 1) Саввина книга есть непосредственный списокъ съ глаголической рукописи, которая по языку своему относилась къ тому-же старославянскому нарѣчію, какъ и Евангелія Зографское, Маріинское, Ассеманово, Glagolita Clozianus, Синайскій Требникъ и Синайская Псалтырь, короче — всѣ крупные глаголическіе памятники старославянскаго языка. 2) Говоръ того лица, которое писало Саввину книгу съ этого глаголическаго оригинала, принадлежалъ къ иному старославянскому нарѣчію, при чемъ писецъ при списываньи выражалъ свой родной говоръ съ такою смѣлостью и точностью, какъ ни одинъ изъ писцовъ остальныхъ старославянскихъ памятниковъ. 3) Благодаря этой особой ясности говора, Саввина книга представляетъ и особую важность для оцѣнки остальныхъ старославянскихъ памятниковъ, очень часто разрѣшая вопросъ, что въ этихъ послѣднихъ принадлежитъ живому говору писцовъ,

что — графической традиціи или оригиналу? Вслѣдствіе этого изученіе языка Саввиной книги какъ бы необходимо становится исходной точкой для изученія старославянской діалектологіи вообще. Оно уясняетъ намъ общую картину діалектическихъ связей и дѣленій, существовавшихъ въ предѣлахъ старославянскаго языка, и въ то-же время приближаетъ насъ къ болѣе точному пониманію родственныхъ узъ, уже давно наблюдаемыхъ между старославянскимъ языкомъ и ближайшимъ къ нему изъ живыхъ славянскихъ нарѣчій — языкомъ болгарскимъ.

Установивъ, что Саввина книга, единственная кирилловская рукопись старославянскаго Евангелія, списана непосредственно съ глаголическаго оригинала, имѣвшаго признаки упомянутаго нарѣчія, мы тѣмъ самымъ должны допустить, что первый и чрезвычайно важный трудъ св. Первоучителей дошелъ до насъ первоначально только въ глаголическихъ спискахъ и съ чертами только одного изъ старославянскихъ нарѣчій. Ничто не принуждаетъ насъ однако расширять этотъ выводъ и толковать его въ томъ смыслѣ, что азбукой Первоучителей (какъ можно догадываться на основаніи другихъ данныхъ) была непременно глаголица, а языкомъ ихъ перевода (что можетъ быть опровергнуто косвенно) — указанное нарѣчіе старославянскаго языка. Древнѣйшіе глаголическіе списки Евангелія — Зографское, Маріинское, Ассеманово Евангеліе и оригиналъ Саввиной книги позволяютъ намъ судить лишь о явленіяхъ XI-го и до извѣстной степени о явленіяхъ X-го вѣка. Только къ этой эпохѣ и могутъ быть приурочиваемы наши выводы. Если допустить — въ чемъ теперь едва ли возможно сомнѣваться — что нарѣчіе глаголическихъ памятниковъ XI вѣка есть одно изъ древнихъ болгарскихъ нарѣчій Македоніи, — то самое, говоры котораго являются нынѣ господствующими, то мы должны будемъ ограничиться выводомъ, что въ X—XI вѣкѣ господствовавшимъ письмомъ въ Македоніи была глаголица. Но было бы напр. ошибочно заключать, что глаголица не была въ ту-же эпоху столь-же извѣстна въ нѣкоторыхъ другихъ областяхъ болгарскаго племени. Мы не имѣли-

бы основанія отрицать эту возможность даже въ томъ случаѣ, если-бы до насъ не дошелъ такъ называемый Македонскій глаголическій листокъ, представляющій другое старославянское нарѣчіе, — не «македонское», или точнѣе — не «македонское по преимуществу». Какъ я стараюсь показать, Остромирово Евангеліе указываетъ на отдаленный старославянскій оригиналъ, носившій черты того-же «македонскаго» нарѣчія, — черты тщательно удаляемыя болѣе позднимъ, также еще старославянскимъ исправщикомъ. Былъ-ли тотъ отдаленный оригиналъ Остромирова Евангелія, о которомъ я говорю, глаголическимъ или нѣтъ, мы не можемъ судить именно въ виду его отдаленности. Примѣръ Саввиной книги ясно показываетъ, что палеографическія наблюденія — а они одни доказательны въ этомъ вопросѣ — позволяютъ судить главнымъ образомъ только о непосредственномъ оригиналѣ: ошибки, которыми даетъ себя знать глаголическій подлинникъ въ непосредственномъ кирилловскомъ спискѣ, до того необычны и странны, что въ большинствѣ случаевъ удаляются уже самимъ писцомъ этой первой кирилловской копіи, и во всякомъ случаѣ вѣроятность ихъ сохраненія уменьшается съ каждымъ новымъ спискомъ; удерживаться долго они могутъ только въ словахъ для писца мало понятныхъ или акустически безразличныхъ, каковы напр. иноземныя собственные имена. На всемъ протяженіи Супрасльской рукописи отмѣчены ¹⁾ только двѣ описки, могущія свидѣтельствовать объ отдаленномъ глаголическомъ оригиналѣ: одинъ случай написанія с, какъ бы переправленнаго изъ і (ср. стр. 57—61 настоящей книги) и написаніе рожжъ, гдѣ ож = ээе можно понимать, какъ извѣстнаго рода диттографію (неполную) глаголическаго эс = ж. Но Остр. не содержитъ и такихъ рѣдкихъ слѣдовъ глаголицы. Отдаленный «македонскій» оригиналъ Остромирова Евангелія можетъ быть относимъ къ довольно глубокой древности, но это предположеніе ничего не прибавляетъ къ исторіи древнѣйшей славянской пись-

---

1) С. Н. Северьяновымъ.

менности. Несравненно болѣе свѣта проливаетъ на эту исторію другая, болѣе поздняя, но все еще старославянская редакція, наложенная на текстъ Остромирова Евангелія. Существованіе такой редакціи есть неоспоримый фактъ. Даже оставляя въ сторонѣ евангельскій текстъ рукописи и ограничивая сравненіе однимъ языкомъ, мы ясно чувствуемъ ее: она состояла, во первыхъ, въ тщательномъ удаленіи діалектическихъ особенностей глаголическаго (македонскаго) нарѣчія, причемъ эта работа производилась не на основаніи какой-либо литературной теоріи, а явно на основаніи какого-то живого говора. Во-вторыхъ была предпринята послѣдовательная свѣрка славянскаго текста съ греческимъ; въ области языка эта свѣрка сказала въ возстановленіи правильнаго правописанія именъ собственныхъ иноземныхъ, содержащихъ неславянскіе звуки и потому легко искажаемыхъ, а равно въ приближеніи къ греческому ἑλαιονъ стараго народнаго заимствованія оли (въ Остр. обыкновенно пишется елеі, елы). Эти черты какъ будто указываютъ на среду, соединявшую въ себѣ интересъ къ славянской письменности съ сильными образовательными вліяніями Византіи. Сопоставляя сущность этой редакціи съ ея сравнительно ранней датой, нельзя удержаться отъ мысли, что она восходитъ къ восточноболгарской литературной школѣ Золотого вѣка или по крайней мѣрѣ къ такой эпохѣ, когда традиціи этой школы были еще живы. Если-бы эта догадка оправдалась, мы нашли-бы въ Остр. драгоценный образецъ восточно-болгарскаго нарѣчія на древнѣйшей его ступени: до перехода ѣ въ е, до массоваго исчезновенія звуковъ ѣ и ѣ въ извѣстномъ положеніи, до утраты *l epentheticі*. Освѣщеніе нѣкоторыхъ болѣе тонкихъ діалектическихъ чертъ, наблюдаемыхъ въ языкѣ Остр., должно быть оставлено до болѣе тщательнаго изученія восточно-болгарской фонетики.

Сопоставленіе Саввиной книги, какъ мѣрила, съ другими старославянскими памятниками, обогащаетъ насъ въ вопросахъ языка и правописанія столь необходимыми для филолога реальными представленіями о возможныхъ привычкахъ и склонно-

стяхъ различныхъ писцовъ. Этимъ путемъ мы открываемъ, напр., что писецъ Зографскаго Евангелія очень дорожилъ тщательной передачей оригинала и прекрасно справлялся съ этой работой; что справщикъ (не послѣдній писецъ) Остромирова Евангелія видѣлъ въ своемъ оригиналѣ только сырой матеріалъ, подлежащій послѣдовательной обработкѣ въ одномъ направленіи, признаваемомъ единственно вѣрнымъ, такъ сказать классическимъ; что писецъ Саввиной книги не обладалъ литературными идеями, дающими тотъ или другой взглядъ на оригиналъ, не задавался совершенно вопросами языка, былъ лишенъ начитанности, но замѣня того обладалъ прекраснымъ непосредственнымъ чутьемъ и съ рѣдкой смѣлостью и удачей выражалъ звуки своего родного говора. Писцы Маріинскаго и Ассеманова Евангелій имѣютъ мало инициативы и еще менѣе — руководящихъ идей: ихъ работа обнаруживаетъ неравномѣрное смѣшеніе особенностей живого выговора съ графическими традиціями, уже очень часто понимаемыми неясно. При этомъ во всѣхъ спискахъ мы наблюдаемъ предѣлы, положенные силамъ и вниманію отдѣльнаго лица: писецъ Зогр. не въ силахъ скрыть совершенно своего собственнаго говора, подъ рукою справщика Остр. и писца Савв. изрѣдка проглядываютъ черты удаляемаго ими стараго.

Въ діалектическомъ отношеніи старославянскіе памятники представляютъ любопытную картину историческихъ измѣненій, живую цѣпь говоровъ, одновременныхъ и разновременныхъ, въ различной степени и различными чертами связанныхъ между собою. Глаголическія рукописи объединяются въ одно нарѣчіе переходомъ ѣ въ о (для Зогр.—это черта, вносимая послѣднимъ писцомъ), Зогр. (оригиналъ) и Савв. — явленіями ассимиляціи полугласныхъ, Савв., ориг. Зогр. и Остр. (говоръ справщика и дальнѣйшихъ писцовъ), — отсутствіемъ перехода ѣ въ о, Савв. и Остр. (послѣдній старославянскій писецъ, писавшій позднѣе справщика) — явленіями лабіализаціи ѣ (шѣ=шъ). Говоръ Савв., измѣненіемъ ѣ въ є [и б. м. ѣ въ о] при одномъ спеціальному, рѣдко

встрѣчаемомъ условіи, составляетъ какъ-бы діалектической переходъ, или первый по времени шагъ къ болѣе общему переходу ь въ є [и ь въ о] т. е.—къ I-му говору Супрасльской рукописи, а равно къ различнымъ средне-болгарскимъ говорамъ и современному восточно-болгарскому нарѣчію. [или къ нарѣчію Македонскому]. Говоры Мар. и Асс. обнаруживаютъ ближайшее родство между собою и съ языкомъ средне- и новоболгарскимъ по признаку совершенной утраты звука ь,—которое или перешло въ є, или выпало, или измѣнилось въ направленіи къ ь.

Эти наблюденія даютъ намъ увѣренность, что старославянскіе говоры X—XI вѣка, ясно группируясь на три нарѣчія по признаку $\% = \%$, $\% = \%$, $\% = \%$, имѣли, независимо отъ этого историческаго дѣленія, различныя точки соприкосновенія между собою, объясняемыя общимъ наслѣдіемъ изъ болѣе ранней эпохи: лабиализацію звуковъ передняго ряда подъ вліяніемъ предшествующихъ шипящихъ и свистящихъ, ассимиляцію ь въ ь и ь въ ь въ зависимости отъ качества слѣдующаго слога, постепенное усиленіе иррациональности полугласныхъ ь и ь въ извѣстномъ положеніи и обусловленное этимъ явленіемъ постепенное исчезновеніе этихъ звуковъ при такомъ положеніи. Не подлежитъ сомнѣнію, что процессъ ассимиляціи проявился въ говорахъ ранѣе, нежели проявилось дѣленіе по признаку $\% = \%$, $\%$, $\%$ (ср. стр. 99, 209—212 настоящей книги); то-же слѣдуетъ сказать и про измѣненіе ь въ направленіи къ ь (стр. 240 и слѣд.), при чемъ однако мы не имѣемъ возможности судить, коснулись-ли оба процесса въ эту болѣе древнюю эпоху всѣхъ безъ исключенія говоровъ старославянскаго языка. Процессъ лабиализаціи звуковъ передняго ряда и процессъ выпаденія полугласныхъ были очень продолжительны: унаслѣдованные въ зачаткахъ отъ общеславянской эпохи, они тянулись втеченіе вѣковъ, съ большою постепенностью и съ большимъ разнообразіемъ, завершаясь въ отдѣльной жизни говоровъ долго спустя послѣ того, какъ наступило уже дѣленіе по признаку $\% = \%$, $\%$, $\%$; долѣе всего они, какъ и естественно, тянулись въ томъ архаическомъ нарѣчіи,

которое не измѣняло ни *ъ* въ *о*, ни *ь* въ *е*. До эпохи дѣленія по признаку $\% = \circ\%$, $\%.$, $\%$, $\%$ лабиализація вообще была еще не такъ значительна, ибо въ нарѣчіяхъ $\% = \circ\%$ и $\%$ она ничѣмъ не осложнилась и не видоизмѣнила процесса измѣненія *ь* въ *е*, между тѣмъ какъ въ архаическомъ нарѣчіи, сохранявшемъ еще и *ъ* и *ь*, лабиализація сильно сказалась на послѣдней полугласной, измѣняя ее въ направленіи къ *ъ*. Въ цѣломъ рядѣ говоровъ современнаго восточно-болгарскаго нарѣчія такое *ь* благодаря лабиализаціи не подверглось при извѣстномъ положеніи общему для этого нарѣчія переходу въ *е* и навсегда сохранилось въ видѣ *ъ*¹⁾. Только при специальныхъ условіяхъ лабиализація ясно обнаруживала иногда свое присутствіе и въ очень древнюю эпоху (зѣдати).

Діалектическое дѣленіе по признаку $\%$ должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что въ извѣстную эпоху²⁾ въ одной

1) Восточно-болгарское діалектическое *дошъ* (откуда далѣе *дошъ*) = *до-шъ необходимо должно было получиться въ восточно-болгарскихъ говорахъ до общаго перехода *ъ* въ *е* въ тѣхъ-же говорахъ: *ъ* получилось здѣсь изъ *ъ* чрезъ посредство *ъ* лабиализованнаго. Въ эпоху, когда въ тѣхъ-же говорахъ *ъ* при извѣстномъ положеніи уже приближалось къ *ъ*, мы ожидали-бы изъ *ъ* лабиализованнаго въ этомъ положеніи не *ъ*, а *е* лабиализованное, откуда далѣе *о*. Восточно-болгарское діалектическое *дошъ* и могло получиться именно такимъ образомъ при особыхъ условіяхъ (между *ш* и *л*), но вызвано ли *дошъ* въ говорахъ болѣе раннимъ переходомъ *ъ* въ *е*, или болѣе позднимъ проявленіемъ лабиализаціи, рѣшить нельзя.

2) Начало этой эпохи не можетъ быть указано съ точностью. Есть полное основаніе думать, что говоръ Первоучителей въ IX вѣкѣ еще не зналъ ни перехода *ъ* въ *о*, ни перехода *ь* въ *е*. Это явствуетъ уже изъ того, что въ древнѣйшихъ спискахъ Евангелія Зогра. Мар. Ассем. (Остр. и Савв., послѣдовательно удалявшіе это явленіе, въ сравненіе не идутъ) переходъ $\%$ въ $\circ\%$ встрѣчается въ очень различной степени, непослѣдовательно, и имѣетъ всѣ признаки новшества, постепенно пробивающаго себѣ дорогу. Кромѣ того самое существованіе въ обоихъ славянскихъ алфавитахъ отдѣльныхъ, соотносительныхъ по виду знаковъ *ѣ* и *ѣ* ясно указываетъ на отсутствіе перехода $\%$ въ $\circ\%$ въ говорѣ Первоучителей: съ этимъ переходомъ было бы неразрывно связано исчезновеніе звука *ъ* въ многъ положеніи, именно—его выпаденіе или — рѣдкій переходъ въ *ъ*. Въ азбукѣ, составленной по говору нарѣчія $\% = \circ\%$ или нарѣчія $\% = \circ\%$, знакъ *ъ* былъ-бы лишнимъ. Но это еще не доказываетъ, чтобы въ IX вѣкѣ, наряду съ говоромъ Первоучителей не существовали говоры, уже измѣнившіе *ъ* въ *о*, *ъ* въ *е*. Говоръ Первоучителей могъ принадлежать къ архаическому нарѣчію.

области языка ъ при известномъ положеніи перешли въ ъ, въ то время какъ въ другой области ѡ осталось безъ качественного измѣненія и только ѣ измѣнилось въ є, а въ третьей—обѣ полугласныя сохранялись безъ существенныхъ качественныхъ и количественныхъ измѣненій. Какъ велика была эта послѣдняя область, какъ суживалась она въ послѣдующее время, т. е. въ какой степени распространялись далѣе, на ея счетъ, нарѣчіе ъ и нарѣчіе ѡ,—на эти вопросы не даютъ намъ отвѣта старославянскіе памятники. Несомнѣнно одно,—что въ XI вѣкѣ архаическое нарѣчіе еще существовало.

Далѣе этихъ наблюденій надъ діалектической жизнью старославянскаго языка мы не можемъ идти: старославянскихъ памятниковъ позднѣе XI вѣка мы не знаемъ, а въ памятникахъ этого вѣка мы не можемъ отмѣтить ни одной крупной діалектической черты, про которую съ увѣренностью можно-бы сказать, что она возникла послѣ дѣленія по признаку ъ. Фонетическія явленія старославянской эпохи почти исчерпываются перечисленными выше процессами. Мы знаемъ, что въ нарѣчій ъ=ѡ ѣ, не перешедшее въ є и не выпавшее, въ концѣ концовъ измѣнялось въ направленіи къ ѡ, но это измѣненіе есть лишь слѣдствіе усиливавшейся ирраціональности полугласныхъ и относится т. о. къ результатамъ дѣленія по признаку ъ. Очень важно было-бы изслѣдовать по старославянскимъ памятникамъ судьбу ѣ мягкаго изъ ѣ, именно—его діалектическое сохраненіе въ видѣ мягкости и діалектическое отвердѣніе. Этому въ значительной мѣрѣ мѣшаетъ графика старославянскихъ памятниковъ, которые допускаютъ лишь слѣдующій выводъ: въ глаголическомъ нарѣчій (ѡ) ѣ сохраняетъ свою мягкость, въ архаическомъ нарѣчій (ѡ) говоръ Саввиной книги *отърятно* представляетъ отвердѣвшее ѣ. Но даже принимая этотъ результатъ, мы не можемъ рѣшить, въ какія эпохи происходило отвердѣніе ѣ, и не имѣемъ права на этомъ признакѣ строить діалектическое подраздѣленіе языка. Тоже слѣдуетъ сказать и о судьбѣ звука ѡ: въ старославянскихъ говорахъ оно звучало — въ однихъ болѣе, въ другихъ менѣе от-